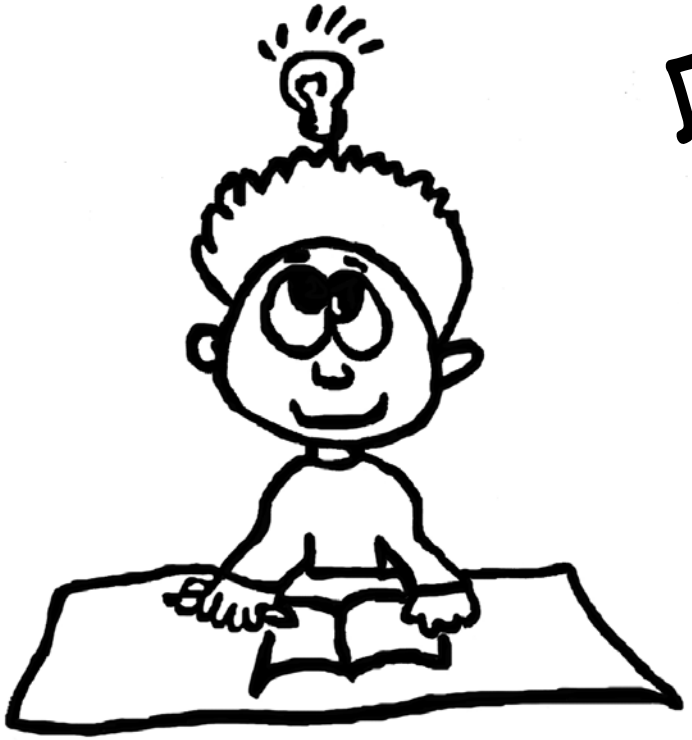
ОЗАРЕНИЕ

Литературный альманах

Выпуск II



Напутственное слово

Дорогие друзья!

Вы держите в руках второй выпуск гимназического литературного альманаха. Два года назад увидел свет первый номер. Он носил гордое имя «Да будет свет!». Нынешний альманах не простое его повторение, а расширенный и, хотелось бы верить, улучшенный его вариант. Поэтому и название у него иное, хотя и созвучное – «Озарение».

В напутственном слове к альманаху «Да будет свет!» его редактор и идейный вдохновитель В.А. Терехов писал: «Первый номер целиком и полностью посвящен поэзии в самых разных ее проявлениях и жанрах. Но это не значит, что мы будем печатать только стихи. Мы рады в дальнейшем предоставить место на этих страницах и сказкам, и фантастическим рассказам, и очеркам, и пьесам, и приключенческим повестям, и лирическим монологам, и даже критическим статьям, если такие найдутся».

Нынешний выпуск мы решили назвать «Озарение». Если вы его хотя бы пролистаете, то заметите большое разнообразие жанров. Мы по-прежнему придерживаемся позиции, что у любого произведения есть автор, поэтому работ, подписанных псевдонимами, в этом номере нет. Мы не хотим ограничивать вас в вашем творчестве, но хотим знать своих героев. Многие материалы предоставлены самими авторами и выполнены по велению их души, хотелось бы, чтобы таких работ стало больше. Но значительную часть представленных в альманахе материалов предложили учителя русского языка, литературы и преподаватели иностранных языков.

От лица всей редакции выражаем огромную благодарность Лисковец К.С., Нахлис Р.М., Поляковой С.П., Стариковой И.Л., Терехову В.А. и Шандаловой А.В.

И конечно же, отдельная благодарность всем нашим авторам и художникам, без них этот выпуск мог бы и не состояться. Так как альманах готовился практически целый 2007-2008 учебный год, то и классы у ребят указаны те, в которых они учились. Мы исходили из того, что за лето ребята подросли, и творчество их тоже изменилось и повзрослело.

Мы по-прежнему будем ждать ваших новых работ и надеяться на то, что литературные альманахи могут выходить более регулярно. За год в ваших портфелях и записных книжках накапливается такое количество интересных работ, что сделать литературный альманах хотя бы ежегодным не составит труда. Не стесняйтесь, приносите свои работы в редакцию, и мы с радостью поможем вам найти своего читателя.

Дерзайте, творите!

Пусть на вас вновь снизойдет **ОЗАРЕНИЕ!**

Александра Левшина

Если б я была зайчонком,
Я бы прыгала бочонком
И в соседней деревеньке
Объедала бы сиреньки.
И таскала бы морковку
У бабули из кладовки,
И кору бы объедала,
И от волка убегала.
От охотников скрываясь,
След собакам заметала.
И домой бы невредимой
К маме с папой возвращалась.
Я хорошенький зайчонок,
Шубку изредка меняю,
Никого не обижаю
И того же вам желаю!

Илья Варлахин
Правда жизни

Если бы был я богом,
Никто не болел бы вовсе,
Не было б воин великих,
И все бы решалось миром.

Были бы все счастливы
И жили бы дружной семьею,
Народы великой планеты
Делились друг с другом едою.

Жаль, что не буду я богом!
И войны не прекратятся,
Но люди жаждут мира,
Которого им не дождаться...

Елена Вильшанская

Если б была я пеликаном,
То для рыб я б была «великаном»,
Я бы волны по воде пускала
И нос свой совала б в подводные скалы.
Я бы рыбешкой мелкой питалась
И на мальчишек с камнями ругалась,
Чтобы никто не пугал «великана».
Если б была я пеликаном!

Илья Бройдо

Если бы я рос и рос,
Я бы крыши перерос,
Стал бы видеть далеко,
Стал бы прыгать высоко.
Защищал бы я друзей,
Всем жилось бы веселей.
Я бы слабым помогал,
О рекордах бы мечтал.
Все кричали бы: «Эй, ты!»
Помахал бы с высоты!

Екатерина Федяшина

Птичка

Настал апрель. Кругом весна,
И все цветет вокруг.
А если крылья у меня
Росли бы вместо рук?

Вот если б птицей я была,
То раннею весной
Я б унеслась за облака
В раскрытое окно!

Порхала б я под синевой
Распахнутых небес
И восхищалась, как весной
Красив и зелен лес.

В своем гнезде среди ветвей
Спала бы по ночам
И трелью вторила своей
Поющим ручейкам.

Как ни мечтай, я не из птиц,
Парящих в синеве,
А лишь одна из учениц
Шестого класса «Б».

Екатерина Воробьева

Если б я была пингвином,
Я б ныряла глубоко,
Я б ловила в море рыбу
И обедала б потом.

Я бы бегала по снегу
И каталась бы по льду.
А потом пошла б к тюленю,
Заглянула бы к моржу.

Я бы с ними поиграла
И поплавала б меж льдин.
А потом бы я гуляла,
Если б я была пингвин.

Сюзанна Саркисян

Если б кошкой я была,
Я б мяукала всегда,
Мне бы за ухом чесали,
Мне бы миску подавали,
Я бы ела и пила –
Припеваючи жила!
Но была б одна проблема,
Заключалась она бы в том,
Что придется мне все время,
Лишь как выйду я во двор,
Сразу прыгать на забор
Иль на дерево забраться
(Лишь бы было высоко),
Потому что все собаки –
Ворчуны и забияки,
Растянувшись во весь рост,
Потрепали бы мой хвост.
Но науку ту кошачью
Я бы быстренько прошла,
И пушистенький свой хвостик
Я б в обиду не дала!

Павел Зубков

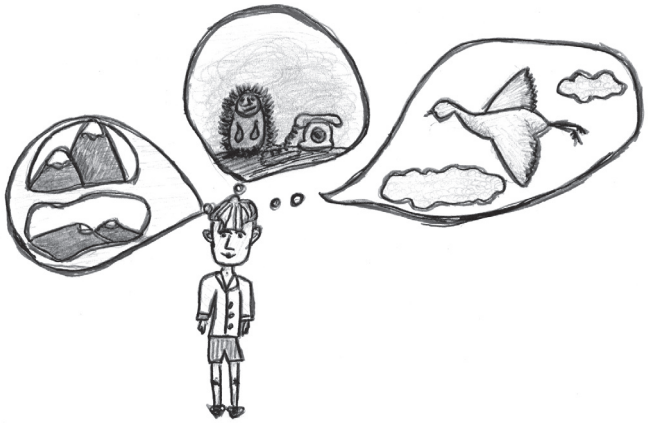
Если бы я был котенком,
Я б мяукал очень звонко.
Я б хозяина любил
И мышей всегда ловил.
Молоко бы я лакал,
Дома с мячиком играл.
Если б мы пошли бы в лес,
Я б на дерево залез.
Наигравшись, я б зевнул
И тихонечко уснул.

Иван Тимонов

Если был бы я овчаркой,
Я б на кошек не бросал
Свой безумный взгляд собачий
И свой резкий злой оскал.
Я б на зайцев не кидался
И животных не «сдавал».
Я охотнику бы злому
Жизни точно б не давал.
Я бы был вегетарьянцем,
Пил бы только молоко,
Но тогда б я был не страшным,
А пушистеньким котом.

Никита Гудим

Если б был я великаном,
Я б из тучи воду пил,
По заснеженным дорожкам,
Как по ниточке, ходил.
Самолетики, как мушек,
Я б себе в ладонь ловил.
Если б я был великаном,
Посетил я б много стран –
Бельгию да Амстердам,
Я два раза бы шагнул –
Был бы в городе Стамбул,
Прыгнул бы один лишь раз –
И земля бы затряслась.



Анастасия Коробкова

Если был бы я героем
Сказочным каким-нибудь,
Я бы мог и взглядом,
Наверное, горы свернуть.
Если был бы я в тумане
Ежиком каким-нибудь,
Я бы мог бы звякнуть маме,
Пусть укажет нужный путь.
Если был бы я утенком,
Гадким, может быть,
Я б не смог прижаться к маме
И не смог ее любить,
Но я буду гордый лебедь,
Буду в небе я парить!
Но лучше быть таким, как есть,
Что судьба тебе дала,
Ты не правь и не меняй –
Со всей силы улучшай!

Ольга Корнеева

Почему у жирафа такая длинная шея?

Жил-был один маленький жирафенок по имени Коротконожка. Он был очень добрым, но слишком маленьким и неуклюжим. Он старался всем помочь, только выходило у него частенько все наоборот. Вот, к примеру, когда его другу зебренку Полосатику захотелось листочков, добрый малыш разбежался и подпрыгнул, но не достал до веток и упал. «Глупый! – смеялись прохожие. – Тебе с твоим маленьким ростом лучше не прыгать – расшибешься!» И жирафенок плакал, ведь ему хотелось помогать другим.

А еще маленький жирафенок очень хотел помочь слоненку, когда тот, спасаясь от жары, поливал себя в речке водой и илом. Но ноги разъехались сами собой, и Коротконожка плюхнулся со всего размаху в воду. Все опять смеялись над ним и его короткими ногами.

Но вот однажды, в год плохих дождей на деревьях выросло совсем мало листьев. И семья жирафенка голодала. Вскоре и трава совсем высохла. Всем не хватало воды.

«Вот если бы я стал самым большим жирафом во всей саванне, – мечтал малыш, – я бы мог доставать листья с самых высоких веток и раздавать голодным. Я бы смог видеть так далеко, и нашел бы воду для всего стада».

Земля пожелтела и потрескалась от зноя. Наступила засуха. И стаду жирафенка приходилось совсем туго. Наш малыш не переставал думать о том, как помочь своим друзьям, ведь у него было такое большое сердце (целых 12 килограммов!)

Ему даже приснился сон, что он съел листья волшебного дерева, и его ноги стали расти и расти, пока он не стал размером с дерево. Он закричал от радости и… проснулся. Но не очень расстроился, потому что ему в голову пришла замечательная идея.

Собрав своих друзей слоненка Ушастика, зебренка Полосатика и антилопу Винторожку, он побежал к самому большому дереву. Они немедленно принялись за работу. Слоненок таскал тяжелые бревна, поваленные ветром. Зебренок и антилопа собирали ветки в большую кучу, прямо под деревом. Они так усердно трудились, что даже не обращали внимания на насмешки изумленных зевак. Когда гора из веток стала достаточно высокой, храбрый жирафенок с разбегу забрался на нее и вытянул свою шею, пытаясь достать самые далекие листочки.

Вдруг раздался треск, и его тонкие ноги провалились вниз, а шея оказалась зажатой в расщелине между толстыми ветками. Он повис, беспомощно болтая своими ножками. Все зрители вокруг дружно захохотали.

Но тут в его шее что-то хрустнуло, и он опустился ниже. Потом еще и еще. Вскоре его ноги достали до земли. Наконец он смог выпутаться из объятий крепко державшего его дерева.

Когда Коротконожка выпрямился, все ахнули! Такого Великана Африка еще не видела. Его шея необыкновенно вытянулась, а ноги стали длинными-предлинными. Все задрали головы.

А «маленькому» жирафенку все вдруг показались такими крошечными! И тут он понял, что исполнилось самое заветное его желание. Вытянув свою длинную шею, он срывал листья и отдавал их другим. Затем он пригнул к земле большую ветку и накормил своих изголодавшихся друзей. А после молодой жираф стал искать место, где еще осталась вода, и росли зеленые кусты и деревья. Его зоркие глаза отыскали такое местечко на востоке, всего в двух днях пути. Небольшое озерцо окружали сочные акации и пушистые мимозы. Его друзья и родственники пошли за ним, не боясь трудностей и опасностей пути. Ведь с ними был самый высокий на Земле друг и товарищ. Он был настоящей живой сторожевой вышкой. А в случае нападения – сильным защитником.

Теперь его все стали уважать и называли Длинношейкой. С тех пор у всех жирафов длинные шеи и ноги!

Софья Сопова

Живой цветок

Почему-то некоторые люди думают, что предметы не умеют ни разговаривать, ни дышать, ни слушать, ни понимать нас. Но мне кажется, что любой предмет имеет душу. Я стала так думать с тех пор, как со мной произошел один интересный случай…

Однажды летом я пошла с другом на речку, он подарил мне красивую водяную лилию. Я засушила цветок и привезла в город. Когда настала зима, я стала скучать по тем солнечным летним денькам, с грустью смотрела на цветок и вспоминала речку.

«Не грусти», – послышался чей-то голос. Сначала я подумала, что это вернулась домой мама, но в квартире никого кроме меня не было!

«Не бойся, я тебя не обижу, ты просто такая грустная, что я решил с тобой поговорить», – сказал нежный веселый голосок.

Я, конечно, очень удивилась, но решила спросить: «А почему ты раньше со мной никогда не разговаривал?»

Цветок ответил, что каждый предмет может говорить только в особых, исключительных случаях. И ему кажется, что сегодняшний день какой-то особенный. «Надеюсь, что мои слова смогли передать тебе капельку летнего тепла, которой хватит до весны».

Не берусь судить обо всех предметах, но подарки, в которые вложили душу, чувствуют нас и способны подарить тепло в грустные дни!

Ольга Корнеева

Правда и ложь

В одной стране далекой,
На карте не найдешь,
Жили в лесной избушке
Сестры Правда и Ложь.
Ложь была красива,
Танцевать умела и петь,
А бедной сестрице Правде
Оставалось только смотреть,

Как за Ложью поклонники ходят,
Дарят ей конфеты, цветы.
И сказала она однажды:
«Почему так красива ты?
Я ведь знаю, что ты – не красива,
Я ведь видела облик твой!»
Но красотка сказала: «Подумаешь...»
Посмеялась она над сестрой.

День за днем в той стране проходит,
И пока ты по свету идешь,
В тебе борются беспрестанно
Две сестрицы
– Правда и Ложь.

Если врешь ты, то Ложь побеждает,
А Правда уходит прочь,
Но если ты говоришь правду,
Берет Правда верх, и уходит Ложь.

День за днем они будут бороться
И тебе повторять будут вновь:
Ложь: лучше жадность, веселье и глупость.
Правда: мудрость, печаль и любовь.

Анастасия Ройтерштейн

Былина о решеньи Марьи

Жила в Москве,
В большом городке,
Жила Марья Васильевна,
С родителями жила.
В доме большом,
В доме красивом,
С видом на реку Москву.
Анна Ивановна – мама – биолог,
Василий Петрович – папа – геолог.
Весело жили, не тужили,
Дочку свою растили,
Дочку свою учили,
Учили уму-разуму,
Да по-разному:
То кнутом, то палочкой,
То сладким пряничком.
Решили в МГУ ее отдать,

Чтоб умной-разумной стать,
Да экзамены надо сдать.
Думает Марья, да не знает:
Иль шпаргалку написать,
Иль учебник почитать,
Или вообще не учить.
Сон ночью приснился ей странный:
Видит Марья три дороги пред ней:
«Налево пойдешь – судьбы не найдешь:
Института не видать,
Будешь бедною и несчастною.
Прямо пойдешь –
В институт попадешь,
Будешь умной да богатой.
А направо пойдешь…»
И тут сон оборвался.
Думает Марья, гадает,
Что предвещала ей та дорожка.
То ли радость, то ли горе,
То ли дальнюю дорогу.
Марья решила, что будет
Читать, учить и учить,
В МГУ поступать
И экзамен сдавать.
Учиться, трудиться,
На «пять» отвечать.
Жила в Москве,
В большом городке,
Жила Марья Васильевна,
С родителями жила,
Дочкой умной, красивой была.

Никита Гудим

Кот и мыши

Один отважный умный кот
Ловил мышей в хлеву.
Ловил, ловил, ловил, ловил,
Но мыши не идут к нему.

Он так зовет мышей и сяк,
А мыши не идут.
Унылый кот взобрался на чердак,
А мыши не идут.

Тогда тот кот придумал план:
К норе мышиной он припал,
Засунул лапку в нору,
Поймал мышей в ту пору.

И мыши говорят коту:
«Не ешь нас, милый кот!»
А тот прижал мышей ко рту
И задал им вопрос:

«А что я буду есть в обед?»
Но сжалился тут кот.
Решил: «Не мой сегодня день!»,
И спать тот кот пошел.

Илья Бройдо

Горе горькое добра молодца

Ах, ребятушки, расскажу я вам,
Расскажу я вам быль былинную
Про парнишечку свет Степана
И головушку его непутевую.
Жил-был молодец один,
Степаном прозывали,
Жил, не тужил, науки учил.
Здоровье берег, о карьере мечтал,
Не курил, не пил зелена вина.
Да нашло и его горе горькое.
Раз пошел Степан на тусовочку,
Танцевал, плясал, аж ударился.
Вот пошел умыть красно личико,
А уж там стоят да разбойнички,
Злые люди-то, наркодилеры.
Говорят ему : «Устал, молодец?
Хочешь вот витамин для бодрости,
Вот один всего да укольчик тут,
Сами приняли, не побрезгуй уж!»
Но слыхал Степан про делишки их,
Витаминчики про коварные.
«Знаю я, – сказал – ваши хитрости,
Не хочу я таких витаминчиков!»

Но они ему: «Что за глупости,
Что за речи твои отстойные!
Во уколешься, будешь ты крутым,
Будешь круче всех на тусовочке!»
«Я и так крутой, – говорит Степан, –
Я спортсмен, – говорит, – и не троечник.
Хватит силушки мне молодецкой,
Шли бы вы со своим витаминчиком!»
А они ему: «Да ты просто трус,
Или жлоб, жалко денежек!
Да не парься, мы люди добрые,
Просто так даем, на халявушку!»
И попал Степан в злые сети их,
Укололся он их отравою,
Потерял покой с того вечера,
Только думает об укольчиках.
Ни науки уж, ни карьерушка,
Ни подруженьки-раскрасавицы,
Лишь одну Степан думу думает:
Где б достать еще витаминчиков.

Так пропал Степан, добрый молодец,
А вы, детушки, все запомните:
Берегитесь вы наркодилеров
И смертельных их витаминчиков.

Алексей Быченков

Карманы Доминика (комическая баллада)

В карманах, карманах,
В чудесных карманах,
Что брат Доминик набивал по утрам,
Хранился совсем не какой-нибудь хлам –
Все нужные вещи для долгого дня
Носил он с собою, в карманах храня...
Молитвенник, кружку и ложку с тарелкой,
Еще одеяло и теплую грелку,
Щипцы для орехов, чтоб зубы сберечь...
Седло и уздечку на случай особый,
Латунный подсвечник отборнейшей пробы,
Пустой умывальник, глоточек вина...
Все это не одобряла жена.
Однажды субботним утром гуляя,
Подумал, не дойти ль до сарая?
А злая жена, решив пошутить,
Закрыла сарай и ушла скот доить.
И вот домой идет наш Доминик,
Ссутулился весь и взором поник.
А злая жена, раскаявшись вдруг,
В кармане его заприметила лук!!!
И вот уже оба смеются они –
Ура, в кармане у мужа были ключи.

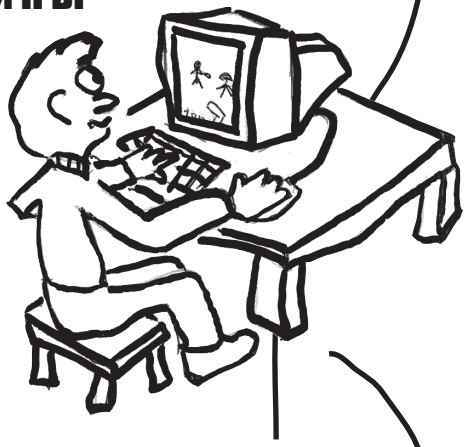
Павел Зубков

Добрый молодец и злодей

Как во славном городе,
В Москве златоглавой,
Добрый молодец на посту стоит,
Службу он несет, службу честную, неподкупную.
Вот задумал один хулиган-злодей
Дело темное, нехорошее.
Отобрать решил он у девоньки
Телефон ее да мобильненький.
Подошел он к ней по-хорошему,
По-хорошему, да по тихому.
Говорит он ей таковы слова:
«Не пройтись ли нам, прогулятися?
И куплю я тебе да морожена».
Согласилася та девчоночка,
Не увидела злого умысла.
Вот идут они да под рученьку,
Разговор ведут да про музыку.
А тем временем хулиган-злодей
Лезет в сумку к ней, ищет телефон.
Да не знает он, что за ним следит
Добрый молодец – страж порядочка.
Славный наш герой шел за парочкой
По дороженьке и схватил злодея прямо за руку.
Выпал распрекрасный телефон
Из руки да злодеища,
Ай увидела раскрасавица, что украсть хотел
Злодей телефон ее, да совсем новенький.
Благодарит она добро молодца, своего да защитника.
Вот берет добрый молодец
Хулигана-злодея да под белы рученьки,
Надевает на них он наручники.
«Вот пойдешь, злодей, в отделение,
Хватит грабить тебе людей честных,
Мирных граждан».
Ай да слава тебе, добрый молодец!
Честно ты несешь свою службу,
Службу трудную и опасную!

Владислав Курносов

Сюжет былины



Как пришел Иванов
со школушки,
Разбросал Иванов
все шмоточки,
В Интернете завис
мальчишечка,
Про уроки, про
жизнь забыл совсем.
Стекленеют глаза у
мальчика,
Голова совсем соловейская,
А он бедный потерян временем,
И про время забыл он сам.
Тут пришла вечером мамулечка,
Увидела бардак в квартирушечке,
Увидала пусты тетрадочки,
Увидала – пустой и сын.
Весь он в мире чужом, неправильном.
Забывает про свет, про солнышко,
Забывает про мать, про жизнь свою,
Приложить надо силу волюшки
Иванову – себя найти.

Дмитрий Пимкин

Сладкий король (комическая баллада)

Король Пампушка Сто
Шестой
Был славным королем!
Все сласти в патоке густой
Каталися при нем.
Какой был сахарный песок,
Какой фруктовый джем!
И не по праздникам чуток,
А завсегда и всем.
Туда-сюда, бердын-ля-ля!
За восемь тысяч лет,
Поверь, такого короля
Еще не видел свет!
А как страною правил он!
Представь себе, дружок,
Был на границах возведен
Малиновый пирог,
На башни лучший по стране
Был пущен мармелад,
И топал в лакричной броне
Полк пряничных солдат.
Туда-сюда, бердын-ля-ля!

За восемь тысяч лет,
Поверь, такого короля
Еще не видел свет!
Но как-то в вестибюль дворца,
Короче, ко двору,
Три карамельных мудреца
Явились поутру.
Сказали: «Лучший мармелад
И тысячи бойцов
Нас никогда не защитят
От злобных грызунов».
Туда-сюда, бердын-ля-ля!
Жаль, опоздал совет,
Не уберег ни короля,
Ни подданных от бед.
Вскричал дозорный пирожок:
«Ребята, берегись!
Прогрыз малиновый пирог
Отряд коварных крыс!»
Туда-сюда, бердын-ля-ля...
Ворвавшись во дворец,
Сожрали крысы короля –
И сказочке конец.

Глеб Балычев

Заразительный смех (эфиопская баллада)

Ману, известный весельчак,
Он думал поутру:
«А будут ли смеяться все,
Кода захохочу?»
Пришел на площадь тот Ману,
Он сел, захохотал.
И вот один, за ним другой…
Смеяться каждый стал.
Смеется весь народ вокруг,
Но нет причин тому.
И лишь сердитый полисмен
Дивится: «Почему?!
Да как так можно?!
Стыд и срам противному Ману!» –
Воскликнул грозный полисмен
И сам пошел к нему.
Но сам смеяться начал вдруг,
Едва вошел в толпу.
Никто не может помешать
Весельчаку Ману.

Денис Ефименко

Баллада о лифте

Был субботний тихий вечер,
Возвращался я домой.
А этаж мой невысокий –
Не десятый, не восьмой.

Был субботний тихий вечер,
Ужин грелся на плите,
От своей природной лени
Я поехал на лифте.

Расскажу все по порядку,
Врать не стану вам, друзья,
Только больше я не лифте
Не поеду никогда!

Был субботний тихий вечер,
Мне б по лестнице шагать,
Не пришлось бы папе с мамой
МЧС на помощь звать.

Был субботний тихий вечер,
В лифт я через дверь попал
И, наверно, от волненья
Не те кнопочки нажал.

Вот закрылись плавно двери,
Вот и трос уж зашумел,
Вот я еду, еду, еду,
Еду, еду и застрял!

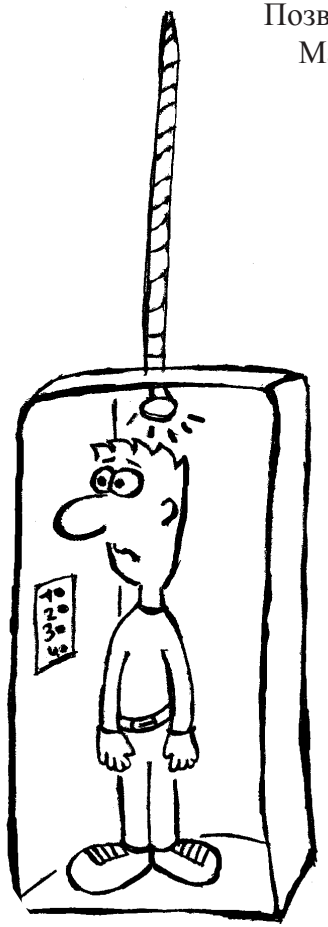
Был субботний тихий вечер,
Помню это как сейчас:
Этаже где-то на третьем
Лифт вдруг встал и свет погас.

Был субботний тихий вечер,
Лифт стоит, в нем я стою,
Нажимаю кнопку «вызов»,
А оттуда ни гу-гу.

У меня в кармане было
Просто чудо, так сказать,
Отгадайте – что за чудо?
«Siemens», блин, C25.

Был субботний тихий вечер,
И своею я рукой
Вынул «чудо» из кармана,
Позвонил себе домой.

Был субботний тихий вечер,
«Мама, – в трубку я кричал, –
Позвони скорей кому-то,
Мама, в лифте я застрял!»



Позвонили, рассказали,
Что случилася беда,
Не забыли адрес дома,
Ведь без адреса нельзя.

Операция спасенья
Длилась ровно 5 минут.
Слесарь сделал, громко
матом
Крикнул: «Мать!», и вот
я тут!

Я хочу сказать спасибо
Всем тем, кто меня спасал.
А особо маме с папой.
Папа, мама – это вам!

Страничка хокку
Поэтическая мастерская

Юлия Худякова

***
Как прекрасен свет!
Солнце – наш добрый отец.
Хороши ли дети?

***
Ночь. Светят звезды.
Одна упала с неба.
Так и он ушел.

***
Плывут облака.
Где же теперь их приют?
Бесприютны мы.

Мария Симонова

***
У огня жарко.
Но не заменит он тепло душ
Человеческих.

***
А Юля смела!
Подняла первой руку.
Мир любит таких.

Татьяна Самойленко

***
Небо темнеет,
Дует ветер, играя
Ветками сосен.

***
Тревожит ночь,
Пляшут тени на стене
От старой свечки.

***
Прошел дождик,
Радуга появилась,
Повисла в небе.

Арина Атик

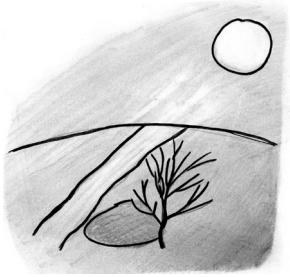
***
Ромашки, клевер.
Целый букет цветов.
Приятно.

***
Дела, уроки.
Нету времени совсем.
Устала очень.

***
Хочу тепла и солнца,
Но дождь и ветер только вижу я.
Настроение испорчено.

Марина Сеге

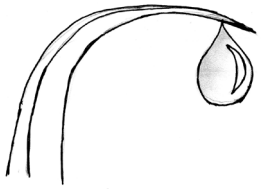
***
И вновь листопад.
Но солнце блещет так ярко,
Как хочется мне.



Павел Ширяев

***
Яркая луна
Серебро разливает,
Освещая путь.

***
Весна проснулась.
Раскрылись снова цветы.
Ожил человек.



***
Капля росы,
Как кровь на катане,
Стоит людского внимания.

***
Поцелуй земли,
Трава ласкает душу –
Сон вечный самурая.

Перевод с английского

Robert Stivenson

Heather ale
A galloway legent

From the bonny bells of heather
They brewed a drink long-syne,
Was sweeter far than honey,
Was stronger far than wine.
They brewed it and they drank it,
And lay in a blessed swound
For days and days together
In their dwellings underground.
There rose a king in Scotland,
A fell man to his foes,
He smote the Picts in battle,
He hunted them like roes.
Over miles of the red mountain
He hunted as they fled,
And strewed the dwarfish bodies
Of the dying and the dead.
Summer came in the country,
Red was the heather bell;
But the manner of the brewing
Was none alive to tell.

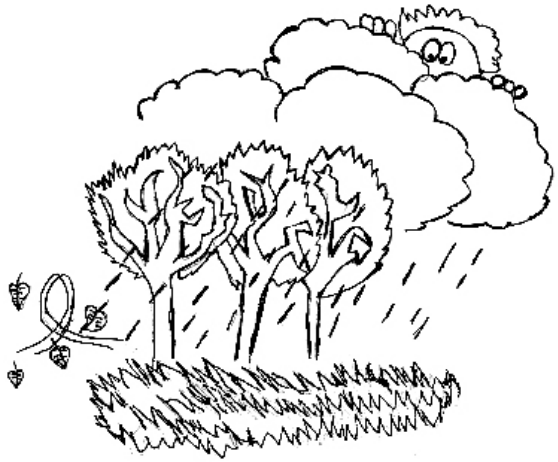
Екатерина Федяшина

Вересковый эль

Из вересковых стеблей
Варили пикты эль.
Был крепкий он и сладкий,
Но не пьют его теперь…
Свой эль варили пикты
В домишках под горой,
И знал рецепт напитка
И старый, и младой.
Пришел король шотландский.
На все он был готов,
Чтоб истребить невинных
Маленьких врагов.
За ними он охотился
И в горы прогонял.
И все они погибли
От злого короля.
В страну вернулось лето,
И вереск вновь зацвел,
Но эль никто не варит,
И возмущен король.

M. Gerber
Herbst

Bunt sind schon die Wälder,
gelb die Stoppelfelder,
und der Herbst beginnt.
Rote Blätter fallen,
graue Nebel wallen,
kühler weht der Wind.



Ксения Симакова
Осень

Поблекли поля, пожелтели луга.
Как время меняет природу!
Деревья одели свой пестрый наряд,
И листья их гнет непогода.
Как пламя устилают они все и везде,
И дождь прибивает их к мокрой земле.

Людмила Уманец
Осень

Пестрый лес, туман витает,
Стали желтыми поля,
Ветер гонит листьев стаю –
Середина сентября.

Алексей Зуев
Осень

Стоят леса, пестреют,
Желты колосья ржи.
И солнышко не греет,
Листва ковром лежит.
И небо стало серым,
И ветер холодней,
Пришла пора осенняя,
И нет уж теплых дней.

M. Gerber
Winter

Ich male ein Bild,
ein schönes Bild.
Ich male mir der Winter.
Weiß ist das Land,
schwarz ist der Baum,
grau ist der Himmel dahinter.

Людмила Уманец
Зима

Бела земля, чернеет лес,
Над ними – серый свод небес.
Мне нравится рисунок мой,
Я назову его зимой!

M. Gerber

Sommer

Heute ist das Wasser warm,
heute kann's nicht schaden.
Schnell hinunter an den See!
Heute kann's wir baden.
Eins, zwei, drei, die Hosen aus,
Schule, Rock und Wäsche,
und dann, plumps, ins Wasser rein!
Grade wie die Frösche.

M. Gerber

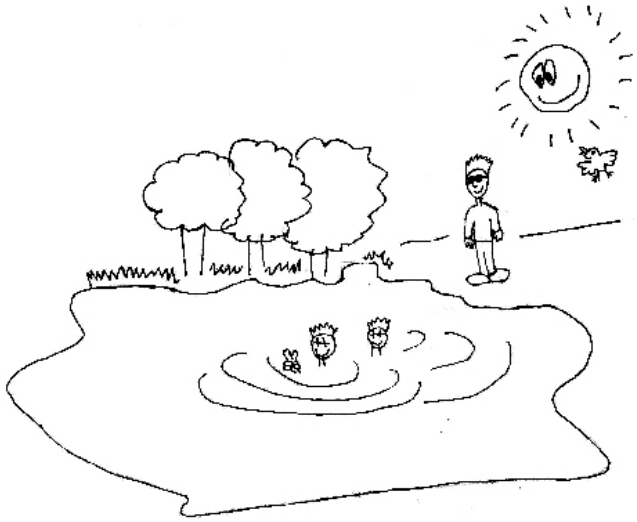
Frühling

Jetzt fängt das schöne Frühjahr an,
und alles fängt zu blühen an
auf grüner Heid
und überall.
Es blühen Blumen auf dem Feld.
Sie blühen weiß, blau, rot und gelb.
Es gibt nichts Schönres
Auf dieser Welt.

Алексей Зуев

Лето

Сегодня теплая вода,
И некому мешаться!
Идем на озеро – да-да!
Бежим скорей купаться!
Раз-два-три, снимай-ка майку,
Туфли, шорты иль юбчонку,
А затем – давай, ныряй-ка,
Подобно лягушонку.



Ксения Симакова

Весна

Вот зеленеет все вокруг,
Это весна пришла, мой друг.
Тебе скажу я по секрету: нет прекраснее на свете!
Все зацвело и ожило:
Покрылся луг цветами,
И речка лишь поет одно:
Пришла весна, взгляните.
И запах трав, и глубина небес,
Что раньше вы не замечали,
И алых роз и ландышей прекрасный цвет –
Все это принесла она, волшебница-весна.
И самый ранний первоцвет,
Предвестник первых дней весенних,
Что робко к солнцу пробивался,
Теперь уж стоит, красуясь,
И мы прогоняем все печали, им любуясь.

Erich Kästner

Wir sitzen alle im gleichen Zug

Wir sitzen alle im gleichen Zug
und reisen quer durch die Zeit.
Wir sehen hinaus. Wir sahen genug.
Wir fahren alle im gleichen Zug.
Und keiner weiß, wie weit.

Ein Nachbar schläft, ein andrer klagt,
ein dritter redet viel.
Stationen warden angesagt.
Der Zug, der durch die Jahre jagt,
kommt niemals an sein Ziel.

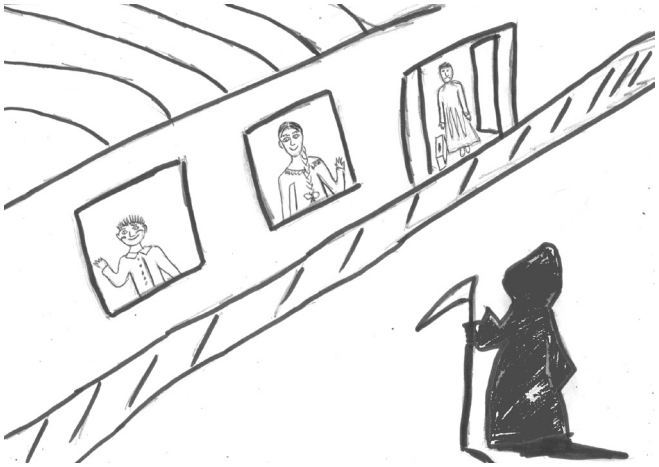
Wir packen aus, wir packen ein.
Wir finden keinen Sinn.
Wo werden wir wohl morgen sein?
Der Schaffner schaut zur Tür herein
und lächelt vor sich hin.

Auch er weiß nicht, wohin er will.
Er schweigt und geht hinaus.
Da heult die Zugsirene schrill!
Der Zug fährt langsam und hält still.
Die Toten steigen aus.

Ein Kind steigt aus. Die Mutter schreit.
Die Toten stehen stumm
am Bahnsteig der Vergangenheit.
Der Zug fährt weiter, er jagt durch die Zeit,
und niemand weiß, warum.

Die 1. Klasse ist fast leer,
ein feister Herr sitzt stolz
im roten Plüsch und atmet schwer.
Er ist allein und spurt das sehr.
Die Mehrheit sitzt auf Holz.

Wir reisen alle im gleichen Zug
zur Gegenwart in sre.
Wir sehen hinaus. Wir sahen genug.
Wir sitzen alle im gleichen Zug
und viele im falschen Coupé.



Вадим Крылов

Мы все в одном вагоне

Мы все сидим в одном вагоне,
И времени мы мчимся поперек,
Мы едем все в одном вагоне,
Не знаем мы, как путь далек.

Один сосед спокойно спит,
Другой все время говорит.
Но поезд мчится сквозь года,
И стук колес звучит всегда.

Багаж свой кто-то собирает,
А кто-то только разбирает.
Кондуктор с улыбкой обходит купе,
И станцию вновь объявляет.

Кондуктор не знает, куда он идет,
И, молча, выходит. Гудок завывает.
Тем временем поезд к платформе встает,
И мертвых он здесь оставляет.

Ребенок вышел. Мать кричит.
Безмолвно мертвых ряд стоит.
Ход снова поезд набирает…
Куда? Зачем? Никто не знает.

В красном кресле сидит господин.
В первом классе он едет один.
Жуть одиночества душит его.
На лавках сидит большинство.

Мы едем в поезде одном,
Довольно видим мы кругом.
Грядущее живет в мечтах,
Но многие не на своих местах.

Перевод с французского

Mylène Farmer

Sans logique

Il va falloir que tu saches
Ce qui se cache dans une défaite
C'est trouver la porte dans le noir
Qui t'en sortirait
Et recommencer à rêver.
C'est dans les rêves que se cache
La porte de l'éternel conte de fée
Ta vie tu la bâtiras de tes mains
La sueur de ton front sera le pain
Pour ton lendemain.
Vas et sois le meilleur dans ce que tu feras
Ne baisse pas les bras et Dieu te gardera.

Глафира Леонова

Никакой логики

Следуй тому, в чем ты твердо уверен,
Не прячься в мире поражений,
Вступи скорее в мир иной,
Из темноты воскресни вновь!
И путеводная звезда
Сегодня выведет тебя
Из мира страха, лжи, незнанья,
Из мира темного желанья.
Начни мечтать, мой друг, начни
И в дверь открытую войди.
Тогда ты снова будешь жить
И будешь жизнь свою любить.
В своих мечтах открой же дверь
В мир вечной сказки, светлых фей.
Но сам найди ту дверь и знай,
Что труден путь в прекрасный рай.
Своим трудом и потом ты
В жизнь претворишь свои мечты,
Построишь сам ты жизнь свою –
Блаженство ждет тебя в раю.
Не вздумай руки опускать –
Тогда ведь ждет тебя опять
И тьма, и страх, и боль, и плач.
Сегодня ты себе палач.
Так ты живи, мечтай и верь,
Что в рай открыта будет дверь.
Трудись, работай, верь в себя –
И не оставит Бог тебя.

Таисия Киракосова

Никакой логики

Порой и беды не дают вздохнуть,
Проблемам разным нет конца...
Так не позволь в них утонуть,
Гони их прочь из мыслей и с крыльца.
Не думай о плохом, пусти мечты ты в дальний путь,
Броди по царству снов, фантазий без конца.
Ведь сам ты строишь жизнь свою,
Живи, люби и улыбнись судьбе,
Порой трудись, не покладая рук,
Чего достиг – вернется все тебе.
Пусть будет мир без горя и разлук,
Пусть Бог хранит тебя...

Maurice Carême

Il fait doux

Il fait intime et doux.
Personne sur la plage.
Le ciel sembe à genoux
Au bord du paysage.
La me rest là immense
Mais ici, prés de nous
On la prendrait vraiment
Pour une enfant qui joue.

Des goélands repassent
Lents, si lents qu'ils ressemblent
A de blancs cerfs-volants
La dune ouvre son livre
Tout droit que kes heures
Se plaisent à relire
La nuit tarde à venir.

Глафира Леонова

Мне хорошо

Скрытая нежность меня окружает.
На пляже никого – пустота, тишина.
Странно, но я замечаю
Преклоненное небо перед нами.
И вот оно, море, бурлит и клокочет – бескрайнее и беспокойное,
Здесь возле меня.
И опять тишина.
Словно ребенок на песке в теплом зное играет.
Или это все кажется мне?
Чайки, пролетая в небе,
Медленно парят над нами.
Плавно, словно змей воздушный,
Пролетая, шлет привет прощальный.
Ветер переносит с дюны
Времени песчинки,
Словно перелистывает книгу жизни.
Но в ней никогда не прочесть ни строчки нам.
Часы, не задумываясь ни на мгновенье,
Словно любуясь друг другом,
Проходят неслышно.
Но ночь спешит приходить.

Таисия Киракосова

Мне хорошо

1 вариант.

Чувствуешь только глубокую нежность,
Оставшись с собою один на один,
Где море бескрайне сливается с небом,
И держишь ты небо взглядом своим.
Садись рядом с нами, постигни простые
Законы ты жизни: жизнь наша – игра!
И только играя, найдешь ты ответы
На все, что волнует тебя и меня.

Чайки кружатся в медленном вальсе,
Похожий на змея их плавный полет.
И книги пустыни златой переплет
Хочу я открыть все чаще и чаще.
Проводишь над чтением долгим часы,
Пока ночь не накроет шатром темноты.

2 вариант.

В душе лишь чувство нежности глубокой,
Сидишь на пляже ты один, толкуешь сам с собой.
В тебе нет слов и грусти одинокой.
Ты светел, чист, как белый лист пустой.
Где моря гладь на солнце вся блистает,
Где шум волны любые страхи разорвет,
Там чувство истины на небе замирает,
А в человеке том дитя живет.

И в вальсе плавном в небо улетаешь,
Как легкий змей, за стаей чаек вслед,
Златую книгу дюн без устали читаешь,
Пока ночь не укроет мраком белый свет.

Колонка Константина Смятских
Проза и стихи собственного сочинения с переводом на французский

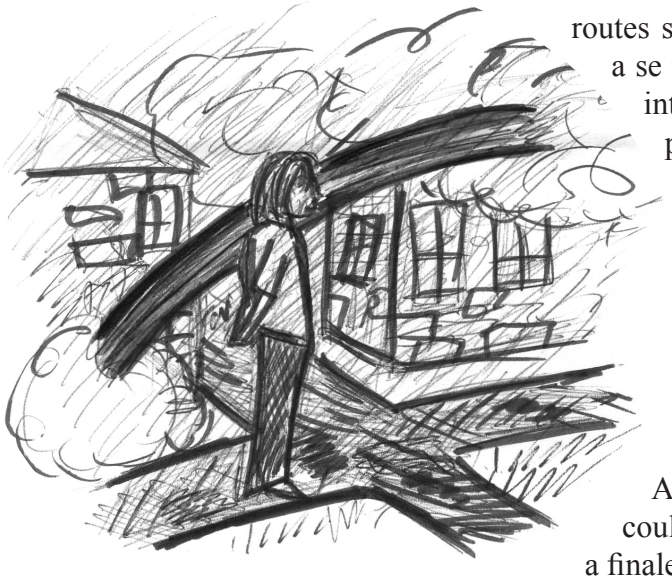
***

Зима была прекрасна и светла.
И пламя нежно сердце грело.
Слеза, блеснув дождем на плоскости стекла,
Упала внутрь, и тихо там сгорела.

L'hiver était beau et est claire.
Et la flamme tendrement chauffait le coeur.
La larme, ayant brillé par la pluie sur les plans du verre,
Est tombée à l'intérieur, et doucement là a brûlé.

* * *

Он стоял на перекрестке двух дорог под проливным дождем. Дождь не лил, он перетекал на землю, плавно и непрерывно. Завораживающе. Он знал тогда, что может сделать все, что мир идеален, что Бог есть, и что самое сильное в мире – его любовь. Он сейчас был только своей любовью, концентрированным сгустком смеющегося, искрящегося света, никто никогда не был и не будет так счастлив. Стена дождя пронизывала его, этот свет и весь мир занимала радуга. Великолепнейшая радуга из тысячи цветов. Для него времени нет, оно наконец сделало круг и замкнулось, замкнулось в точке пространства, в точке слияния воды, света и радуги. Мир никогда не видел этого. И не увидит теперь ничего другого. Мир – счастье, мир – любовь. Навсегда…



Il est resté debout sur le carrefour de deux routes sous l'averse. Il n'est plu pas, la pluie a se transavé à la terre, sans à-coup et sans interruption. Ravissant. Il a su alors qu'il peut faire tous, que le monde est idéale, que le dieu existe et que son amour est le plus fort dans le monde entier. Il était maintenant seulement son amour, il était concentré avec le faisceau de le lumière ri est étincellement, personne n'était jamais ni sera ainsi heureux. le mur de la pluie a percé cet lumière, et l'arc-en-ciel occupé par monde entier. Arc-en-ciel somptueux de millier de couleurs. Il n'y a plus de temps pour lui, il a finalement fait un cercle et a fermé à clef, il a fermé à clef au moment où l'espace, au point de convergence d'eau, lumière et arc-en-ciel. Le monde n'a vu jamais ceci. Et il ne verra maintenant rien autre. Le monde-bonheur, le monde-amour. Pour toujours…

Константин Смятских

Ночь

Ночь. Ему не спится. Еще бы, никто и никогда не спал в эту ночь... Он старался не думать о ней как о последней, потому что боялся слова «никогда». Он продолжал надеяться. Не верил... Ведь этого не может быть!! Никогда, слышите!!! Он не мог кричать... Он мог только сидеть и смотреть на исполосованный луной пол. Серый бетонный пол. Странно, он пугал его, но все же приковывал взгляд…

Сетка на полу стала краснеть… Рассвет... Последний рассвет в его жизни... Он не хотел смотреть на него, потому что не верил, что он – последний... Никогда не бывает, пустота не может существовать, потому что я ЕСТЬ, и иначе не может быть!!! Он обманывал себя…

Шаги за стеной. Как шум в ушах. Он почти обезумел тогда… Внутри все растворил страх… Холодный, как сталь, и тяжелый, тяжелее его горя... Осталась только пустота... Где-то в левой стороне груди. Он не видел, как его привели на эшафот... Его мутило. Везде, во всем мире был только туман. Мягкий, густой. Все чернеет. Не страшно, все так же пусто. Какой-то блеск. Пуля. Он сумел продлить этот миг почти до бесконечности. Не хватило совсем чуть-чуть. Хищный вязкий красный свет. Везде. Он не знал, что это значит. Он сделал последний шаг, будучи уже никем, переступил грань между жить и не жить, не заметив ее. Забвение…

Konstantin Smiatskich

La nuit

La nuit. Il ne dormi pas. Bien sur, personne ne dormait jamais par cette nuit... Il tâchait de ne pas penser à cette nuit comme a la nuit dernier, parce qu'avait peur du mot jamais. Il continuait à compter. Ne croyait pas…

En effet, cela ne peut pas être!! Jamais, vous entendez!!! Il ne pouvait pas crier... Il pouvait seulement être assis et regarder sur le plancher tailladé par la lune. Le plancher gris en béton. Étrangement, il a fait peur, mais enchaînait quand même le regard…

Le filet sur la plancher a commencé à rougir… L'aube… Le dernier aube dans sa vie... Il ne voulait pas le regarder, parce que Ne croyait pas qu'il – dernier... Le vide ne peut pas exister, parce que je suis et autrement ne peut pas être!!! Il se trompait…

Les pas après le mur. Comme le bourdonnement dans l'oreille. Il a été affolé presque alors… Au-dedans la peur tout a dilué... Froid, comme l'acier et lourd, il est plus lourd de lui en brûlant... Il y avait seulement un vide... Quelque part dans la partie gauche de la poitrine. Il ne voyait pas, comment l'ont amené pour l'échafaud... Le troublait. partout, dans tout le monde il y avait seulement un brouillard. Mou, épais. Tout noircit. Non terriblement, tout est aussi vide. Quelque éclat. La balle. Il a réussi à prolonger cet instant presque à l'infini. N'a pas suffi tout à fait un peu. La lumière rapace visqueuse rouge. Partout. Il ne connaissait pas que cela signifie. Il a fait le dernier pas, étant déjà personne, a franchi la limite entre vivre et ne pas vivre, ne l'ayant pas remarqué. L'oubli…

Мириам Ерохина

***
Я – всего лишь капли дождя,
Всего лишь снега комок,
Которого, уходя,
Зима превратила в поток.

Я – снег под фонарем.
Я – крылатый олень,
Засыпающий днем...

Я – весенний дождь.
Я – вода,
Улетающая с ветром
В никуда...

***
Дай мне руку,
Помоги подняться с ног,
Перетерпеть эту муку,
Выбрать одну из других ста дорог...

Я выбрала эту.
Только руки никто мне не дал.
Я перетерплю, дождусь снова лета
И разобьюсь, как волна о причал.

***
Когда ты думаешь о том, что было лишним,
Когда ты думаешь о том, чего нельзя,
Когда ты думаешь о том, чего не вышло,
Перебивая мыслей строй, бежит слеза.

***
У черного цвета на краю
Мы знаем, что ада нет в раю.
Растопи печаль
В белом свете ночи.
Уходить не жаль
В черном мраке свечи.

***
Из-за птичьего молчанья
Ветка ивы в небе пишет.
Из-за птичьего молчанья
Ива тополя не слышит.

Анастасия Артемчук

Реквием по мечте

Реквием по мечте –
Тихо сердце поет.
Слышен гул в высоте,
После – всплеск синих вод...
И лелея мираж
В безмятежной тиши,
Дань невольно отдашь
Откровеньям души...
Светлый прах той мечты
В глубине погреби...
Для святой красоты
К сердцу ключ сохрани.
О потере забудь,
Помни радости свет,
Пусть его не вернуть,
Он оставил свой след.
Надо дальше идти,
Позабыв про печаль,
Ты покой обрети
И скромней смотри вдаль...

Еще одна ночь

Погружен в туман и в холод,
В тишине застыв ночной,
Спит давно огромный город.
Стихло эхо мостовой.
Фонари горят так тускло,
Свет луны пронзает ночь,
Стало безнадежно пусто.

День минувший мчится прочь.
Изредка лишь звук случайный
Будит разум ото сна.
Мир подручный, виртуальный,
Закрывает нам глаза.
Мы проснемся на рассвете,
Оценив восход сполна.
Разозлимся словно дети,
И вперед, на злобу дня.

Зера Кукутидзе

Радуйся!

Раскрой глаза навстречу ветру, солнцу, свету,
Застынь в забвении, обняв часть облаков,
Вверх устреми взгляд радостный и дикий,
Возьми в аренду мысли чудаков,
Глотни из детства яблочного сока,
Вдохни простого фрукта аромат,
Дорога к счастью странна и далека,
Шагнуть по ней попробуй, встреть закат...

***

Нам кажется, что небо высоко,
Что облака легки и солнце греет.
Мы верим в то, что чуду суждено
С нашей судьбой сойтись и будто веет
Прозрачной сказкой, на ресницах взмах –
В улыбки превращается везенье.
Нам так не хочется увидеть крах,
Пустые фразы, скуки дуновенье.
А смысл уже давно не заключается в словах,
Он интуицией слепой старухи
Нашаривает предков прах
И прячется от гордой оплеухи.

Зера Кукутидзе

Обои желтого цвета

28 лет назад, когда мы жили в другом городе, когда песочница еще была бескрайним миром открытий, когда снег был вкусным, небо голубым, а приклеенный к трубе язык в мороз отдирался с большим трудом и веселыми криками… Именно тогда я и познакомился со своей первой лучшей подругой. Лучших друзей ведь много не бывает… Но в детстве нам так не кажется. Так вот эта маленькая мадам была редким кадром жизни, неиссякающим источником энергии. Последнее, что я помню, это ее рассказы о новой комнате. «Желтые обои, – радостно кричала она, – желтые!»

Ее растрепанные волосы, худые лодыжки и бледное личико вечно спорили с миром, какой бы вопрос ни повисал в воздухе. Но в этом и была прелесть милой замарашки. Она не умела извиняться, просто молча подходила и крепко заключала тебя в объятия, после того как укусила в порыве ярости. Такая вот у меня была подружка, и, знаете, никого ближе в этом мире я не встречал. Как сейчас помню перекошенную набок юбку, сползающий бант и снятую для удобства обувь. У мамы ее напрочь отпало желание одевать дочь по взрослым правилам. Раз в месяц подружка придумывала мне кличку или тайное имя, забывая его на следующий же день.

Она научила меня облизывать тарелку после еды, макать печенье в какао, прилеплять жвачки ко дну стакана, срывать одуванчики, кричать от скуки на улице, играть в салочки на расстоянии двух метров, прятаться в магазине, лопать воздушные шары, убегать от взрослых. Она показала мне мир в детских ладонях, она подарила мне невидимый воздушный шар.

Соседи нас ненавидели, мы были самыми бешеными детьми во всем районе. Ее мама обреченно подбирала брошенные на дороге босоножки и, схватив сопротивляющуюся девчонку, вела ее кушать, потому как самые узкие шорты в магазине можно было сдернуть с нее без усилий.

Была у нее и любимая песня: «Маленький клопик, гудбай, я люблю таракааана из-под диваааана». Вечером, когда бабушки усаживались подводить итоги дня, она с видом солдата, марширующего в строю, пела эту песню что есть силы.

Настало время идти в школу. Родителей вызвали на первой же неделе. «Скажите, почему вы одеваете детей наизнанку?» Ее мама настолько привыкла разгадывать фокусы дочери, что молча вывела моего отца из кабинета и там уже объяснила, кто надоумил его сына переодеваться в школьном туалете. Нам тогда досталось. Так прошел год.

Темно уже было на улице, когда она постучалась ко мне в окно. В тот вечер я услышал самую жуткую вещь на свете. Мое детское сердце сжалось. Она уезжала. Уезжала далеко. На прощание у нас была всего неделя.

Я выкладывал камешками ее имя на дороге, срывал все цветы на соседних клумбах, принося охапки с землей к ее двери, за что пару раз отведал отцовского ремня. Купал в луже кошек из

нашего района по ее настоянию, вытворял огромную кучу безрассудств. Пел с ней ее любимую песню во все горло и… когда она садилась в поезд, рыдал как щенок. Банально, скажете вы… а я бежал за поездом.

Так я потерял самого дорогого мне человека из мира детства. Вы спросите, почему же мы никогда больше не виделись? Виделись. Однажды через много лет я узнал ее возможный адрес. Только вместо той рыжей бестии на меня смотрела строгая женщина в возрасте с каштановым цветом волос и не понимала ни единого слова – она говорила на другом языке. Я ошибся? Возможно…

Только в том городе, в моей старой квартире, под перекладиной в полу до сих пор хранится кусок желтых обоев. Сколько часов я просидел перед ними после ее отъезда, не помню, но уйти без кусочка ее счастья не смог.

Надежда Белякова

Дом, где разбиваются сердца

«Здесь ночами нет света,
Годами не бывает лета,
И кажется мне –
Все будто во сне»
(Машина времени «Не плачь обо мне»)

Девиз этого дома – живи, пока можешь. Здесь всегда полумрак. И никто не трудится отодвинуть шторы – свет им не нужен. В доме никогда не топят печь. Холод сковал этот дом, но они привыкли к нему. Здесь не слышно ни детского смеха, ни разговоров, ни плача. Здесь всегда тишина... Из этого дома исчезла вся живность – даже тараканы сбежали в другой квартал. У крыльца не растут цветы – их срезают, потому что боятся любого проявления жизни.

В этом доме живут люди. Лица этих людей настолько невзрачны, что их невозможно запомнить, увидев даже тысячу раз. Все стены дома покрашены одной краской непонятного цвета, отдаленно напоминающего серый. Ведь все его жильцы равны между собой, одинаковы… Здесь засохли все растения – им не хватает углекислого газа, выдыхаемого людьми. Ведь этим людям не нужно дышать.

В этом доме дети не любят сладкое, они считают его вредным для здоровья. У них нет игрушек, они целыми днями учатся, сами не зная, зачем. Старики не любят вязать и греть кости у камина. Они целыми днями лечатся, сами не зная, зачем. Бесцельная бессмысленность – направленность их «души».

В этом доме человеческое тепло считают психической болезнью, а любовь – крайней степенью безумия. Здесь никогда ничего не празднуют. И никогда не плачут на похоронах и не смеются при рождении ребенка. Для них это обыденный процесс.

В этом доме с ужасом относятся ко всему новому. Ведь стабильность – кредо дома. В ней нет боли и страданий. А значит, и роста, и развития… Они боятся любых сбоев в своей налаженной системе жизни. Путники, забредающие в этот дом, пропадают. В доме нет ни телевизора, ни радио. Зачем узнавать что-то новое, если в старом и так комфортно? Они никогда не открывали книг. Ведь опыт прошлого для них не имеет значения. Они с презрением относятся к искусству. Потому что искусство не поддается прагматичному анализу. Они не помнят своих предков и не знают истории. Они живут затхлым настоящим. И никогда не думают о будущем. Даже не знают о его существовании.

Они почти не выходят из дома. Мало ли, какая опасность может подстеречь за углом? А дома спокойно и мертвенно тихо… Здесь не замечают смены времен года и дня. Каждый их день – серая масса, сварившаяся в кучу. Они ни к чему не стремятся и ничего не ждут. Они ни во что не верят. У них нет воспоминаний, природа обделила их памятью. Но что им вспоминать?..

Они никогда ничего не создают. Ведь для того, чтобы создать новое, нужно опираться на прошлое и рассчитывать на будущее. Главным делом в доме считаются сон и обед. Работа для них – способ добычи пропитания. Они зачем-то просыпаются, зачем-то ходят на работу, зачем-то ложатся спать, зачем-то женятся… Но не знают, зачем. И никогда об этом не задумывались. Их сердца давно остановились, но они продолжают механически двигаться и поглощать пищу. Их жизнь – бесконечный серый сон. Они не ждут даже смерти. Потому что уже мертвы.

В этом доме не боятся старости. Они смогли бы жить вечно, ведь смерть близких им не проносит боли, а скука – их повседневное, обыденное состояние.

От дверей дома идет несколько дорог: в горы, к морю, в лес. Они в любой момент могут уйти, двери не заперты. Они свободны. Но им не нужна свобода. Ведь они считают, что залог нормальной жизни – статичность, а, значит, смерть…

Они не думают, что счастливы. Они вообще не думают о счастье. Ведь они лишены любви (к человеку, к работе, к искусству), а большего счастья в мире не найти…

Они одиноки и несчастны. И вполне довольны этим. «Им и не нужно туда»…

Беда в том, что таких домов очень много…

«Там, где дни облачны и кратки,
Родится племя,
которому умирать не больно»
(Ф.Петрарка)

Леонид Казакевич

Сила мечты

В комнате было жарко, даже скорее душно. На стенах висели пожелтевшие от времени обои, местами отошедшие от штукатурки. Горела включенная лампа без плафона, а на столе были разбросаны давно никому не нужные бумаги. На практически распавшемся стуле лежал скомканный плед, который когда-то укрывал кровать, но теперь уже почти что два месяца так и лежал постоянно рядом с ней. Вся обстановка, казалось, была продолжением события, сейчас творившегося в этой комнате, главного события жизни Дениса Игоревича. Его смерти.

Почему главного? А просто потому, что других событий в его жизни, кроме, пожалуй, рождения, и не было. А его он, естественно, не помнил. Все же остальные события были столь неотличимы одно от другого, что сливались в гротескное подобие одного момента, даже одного мига. Не только люди, близкие Денису Игоревичу, не помнили их, но даже и он сам, казалось, не смог бы вспомнить, в каком году он закончил школу, институт, начал работать или же что-то иное. Да и незачем ему было, на самом деле. Ведь основная его жизнь проходила в совершенно другом мире.

Нет, он не был ни сновидцем, ни человеком, хоть как-то связанным с чем-то потусторонним, он был обычным человеком. Только человеком, который не умел ничего, кроме как мечтать. Да и не было ему ничего надо, кроме этого... Две жизни, конечно, лучше, чем одна, но не настолько, чтобы каждую из них прожить так, чтобы ничего из нее не запомнить. А Денис Игоревич отлично запомнил одну из них – ту, что была значительно реальней второй, жизнь его мечтаний. Там он родился, возмужал, женился, имел кучу детей, занимал высокое положение в обществе, там он сейчас лежал в особняке на юге Англии, попивал виски с содовой, а вокруг стояли все родные. Но даже там он не мог изменить лишь одного... своей смерти, естественно. И, так

же как и в реальности, он не был рад этому событию. Согревало его душу лишь одно – он не зря прожил эту жизнь.

Он мог перечислить все свои фантазии, если бы его попросили с той точностью, с какой обычный человек может перечислить основные даты своей жизни. Когда он был еще младенцем в мире людей, в мире грез он уже был малолетним наследником трона одного из сильнейших государств. Изучая Пушкина, он создал себе мир, где его имя звучало у всех на устах так, как никогда не звучало имя поэта. Начав работать за скромную зарплату техника на мероприятии, названия которого он даже не помнил, в мире мечтаний он уже был бизнесменом высшего ранга с миллионами в кармане. Когда его отвергла та единственная, которую он когда-либо любил, в мире грез она уже родила ему трех детей. И так до самой своей смерти. Будучи ничем не примечательным человеком в одном мире, в другом он был вершителем судеб. Но даже это не позволяло ему избежать смерти сразу в обоих мирах.

Его бренное тело уже испускало дух, когда в мире грез ему вдруг привиделось лекарство, которое способно излечить даже от смерти. И не хватило лишь мгновения, чтобы он его выпил. Его реальность разбилась тысячей осколков, а в мире, который он никогда не ценил, его тело как раз завершило последний раз выгибаться в приступе агонии. Он оказался в сплошной темноте.

Вдруг перед ним вспыхнул свет, который, казалось, лился из ниоткуда и сразу отовсюду. Даже будучи атеистом, он сразу понял, что это был бог, даже Бог с большой буквы. Вопросы сыпались на него градом, все они были про его жизнь. Он отвечал без запинки, лишь потом осознавая, что рассказывал он про реальность его мечтаний, а не про настоящую жизнь, и в рассказе его полно неточностей. И он все больше понимал, что никогда на самом деле не жил, а лишь прятался в коконе своих мыслей. Он знал, что его ждет лишь одно – ад, в который он не верил, и боль, которую в своем мире никогда не испытывал. Он закрыл глаза и снова их открыл...

Перед его взором вновь предстал особняк, где он погиб в мире мечтаний, но он был пуст и практически уничтожен. Рядом с ним было небольшое кладбище, где помимо могильных камней с именами тех, кого он знал в мире, который ценил, было еще одно. Его имя. Он в беспамятстве бродил по этому кладбищу, роняя слезы над друзьями, которых у него никогда не было, грезя вернуться в мир, где у него никого не было, где он жил один, постоянно ища спасения в этой реальности, ныне разрушенной. Но убежать отсюда он не мог, это было его наказание, его ад.

Ведь именно такова была сила его мечты.

Ирина Григорьева

Самолетик

Я стою в луже. Там на дне теплая грязь. Я стою и думаю. Вообще-то мне надо не тут стоять, а забирать корову из стада, и мать наверняка заругается на меня и будет ругаться долго, но корова наша умная, и сама дойдет, а угнать ее не угонят, потому что кому она нужна, такая худющая и наверняка хворая. А я стою и думаю одну приятную мысль: меня зовут Виктор. Это значит победитель. Вот вырасту и победю всех. А пока я всех на физкультуре побеждаю. Всех-всех из всего первого класса. Я самый первый стою. И не потому, что это я так хочу, а потому, что меня сам Владимир Александрович так поставил.

И бегаю я всех быстрей. Могу даже тех, кто в хвосте, обогнать. А Владимир Александрович не понимает. Он не понимает и никак не втолкуешь ему, что я должен побеждать. Но я еще должен ко всему привыкнуть. Так папаня говорит. А Владимир Александрович говорит, что это неправильно. Чудной какой-то!

Он и не только в этом чудной. Он – единственный мужик в деревне, который сам живет один, а коз держит. И носится с ними сам, и гоняет сам, и кормит... Только доить не умеет и каждый раз зовет бабку Аграфену, соседку его. И за один подой дает ей столько молока, сколько она просит. Говорит, ему много не надо. А зачем тогда коз держать? Продавал бы, московских-то понаехало до ужаса. А он стесняется. Такой сильный, а стесняется. И козла забить не может. Так он и живет у него уже третий год. Папаня говорит, если его сейчас забить, его уже нельзя будет есть.

Папаня у меня умный. Он сегодня сказал, что я с ним пойду. И к чему-то там привыкну.

Мать пыталась сказать чего-то, но мы ее не стали слушать. И он повел меня к Верке.

Верка красивая. Она лицо всегда красит чем-то, так что щеки у нее красные-красные. Я как-то спросил у мамы, чего она не красится. Она сказала, что некогда. Может, поэтому папаня ходит к Верке? Не знаю.

Там было много мужиков, и воняло чем-то кислым. Все чего-то пили. Папаня и мне кружку налил, сказал, чтоб я приучался. Только у меня не получилось... Может, через годик смогу... А потом папаня послал меня домой, а сам там остался. Вот я и думаю, куда мне идти. Вообще-то тут Витька недалеко живет...

Витька старше меня аж на три года. Но он все равно меня не посылает, как другие. Иногда с ним даже можно в войнушку поиграть. И покормят меня там всегда. А дома, небось, опять картошка.

Я когда пришел, Витька уже на станцию собрался. Но он и меня на багажнике повез.

Сказал, что если я подожду, пока он все, что ему там надо, купит, он свозит меня на башню посмотреть. Ее совсем недавно поставили. Для богатеньких, у которых телефоны такие маленькие-маленькие, одна трубка. Она по ночам светится.

Витька и правда отвез меня туда. Она такая большая, эта башня. И наверху самолетики.

Они светятся. Я, когда вырасту и всех победю, буду летать на таком самолетике.

А потом Витька отвез меня домой. На ужин была опять картошка. И Нинка, сестра моя, опять ревела. Но мне ее не жалко.

Она взрослая, а так ни к чему и не привыкла. И ревет всякий раз, как папаня от Верки приходит. А сегодня вообще ужинать не пошла. Мне вся ее еда досталась.

А ночью мне приснился самолетик. Он светился. Я решил встать, на станцию сходить и утром его маме подарить. Нинка говорит, Рождение у нее вчера было. Вот пойду сейчас и достану его. Только идти туда пол-урока. И мимо кладбища. Но мне надо привыкать, а ночь длинная, обернусь.

Во дворе холодно. Я даже одеваться не стал. Зато согрелся, как мимо кладбища бежал.

Витька говорит, покойники по ночам не встают, но я на всякий случай. А потом я стал думать про самолетик и не заметил, как дошел до башни.

Вечером был дождь, и теперь она скользкая. Но канат у нас в школе тоже скользкий. Я по нему лучше всех лазаю. И сюда тоже залезу. Может, мама поиграется с самолетиком недолго и мне отдаст... Я уж тогда... Она высокая. Я дальше не достаю. Может, подтянуться. Ногами я поскальзываюсь и вишу на одних руках. Потом устаю и начинаю медленно, по пальчику, отпускать. А потом становится светло, и я вижу Катьку, Веркину дочку. Ее мать из дома выгнала, потому что она, вместо того, чтоб по хозяйству подсоблять, в Москву учиться ездит. Тоже чудная! Отучилась десять лет, и еще ей хочется! Нинка моя и десяти не проучилась, только восемь. Теперь работает, каждый месяц деньги приносит. А эта... Одно слово, чудная. И чего ко мне привязалась? Ну лежу я, ну и чего, может, мне полежать захотелось. И вставать я не буду. И так башка раскалывается, да и нога не лучше. И самолетика не достал. Ничего, на следующее мамино Рождение. Лучше б прикрыла чем-нибудь, трава-то ледяная...

А потом становится тепло. Я лежу в своей кровати. Значит, эта чудная Катька дотащила меня до дому и опоздала на свою электричку. Так ей и надо! Приставать не будет. В одном мы с сестрой похожи: мы не любим, когда к нам пристают. Я сам слышал, как она это матери говорила. Опять ревет. Испугалась она, видите ли... Чуть что – сразу сопли распускать.

А мать ушла искать мне машину. Я слышу, как орет некормленая корова. Помрет, пожалуй, с голодухи-то. Ну и пускай подыхает, картошки больше будет. К нам приходила накрашенная и хорошо пахнущая медсестра. Она сказала, что нога у меня сломана и еще чего-то сотрясено. И она ничего сделать не может, надо меня везти в больницу в Москву.

Вот мать и бегает, ищет машину. А ведь без денег не повезет никто. Разве что Владимир Александрович. Вот она и пошла к нему.

Мне вообще-то спать охота, медсестра эта таблетку какую-то дала, а мне не дают. Сестра ревет, бабка Аграфена пришла, какое-то биополе мерила. А потом, после всех, пришел Витька и сделал мне самолетик из бумаги. Он говорит, что там наверху никакие не самолетики, а просто светильники. Вот нога пройдет, проверю.

ГОУ гимназия №1505
«Московская городская педагогическая гимназия-лаборатория»
107061 Москва, 2-ая Пугачевская, 6а, каб.24
литературный альманах **«ОЗАРЕНИЕ»**, выпуск второй, 2008 год
Литературное приложение к газете «Пугачёвка, 6»

Редактор – О.П. Колчугина.
Технический редактор – Надежда Белякова

Авторы: Анастасия Артемчук (10-а), Арина Атик (7-б), Глеб Балычев (6-б), Надежда Белякова (выпуск 2007), Илья Бройдо (6-б), Алексей Быченков (6-а), Илья Варлахин (6-б), Елена Вильшанская (6-а), Екатерина Воробьева (6-а), Ирина Григорьева (выпуск 2002), Никита Гудим (6-а), Мириам Ерохина (5-а), Денис Ефименко (6-а), Павел Зубков (6-а), Алескей Зуев (8-а), Леонид Казакевич (11-а), Таисия Киракосова (9-б), Ольга Корнеева (6-б), Анастасия Коробкова (6-а), Вадим Крылов (9-а), Зера Кукутидзе (11-б), Владислав Курносов (6-а), Александра Левшина (6-а), Глафира Леонова (9-а), Дмитрий Пимкин (6-а), Анастасия Ройтерштейн (6-а), Татьяна Самойленко (7-б), Сюзанна Саркисян (6-а), Марина Сеге (7-а), Ксения Симакова (8-а), Мария Симонова (7-б), Константин Смятских (10-б), Софья Сопова (6-б), Иван Тимонов (6-б), Людмила Уманец (8-б), Екатерина Федяшина (6-б), Юлия Худякова (7-а), Павел Ширяев (7-б).

Художники: Анастасия Артемчук (10-а), Алена Васюкова (7-б), Анна Волкова (10-б), Мария Головкина (9-б), Елизавета Зафт (9-а), Мария Зубкова (9-б), М.В. Малиновская (выпуск 2000), Софья Надеждина (10-б), Анастасия Ройтерштейн (6-а), Михаил Свистунов (6-б), Екатерина Тарасова (5-б).